

АНТОН
ЩЕГУЛИН

АКАДЕМИК

разгильдяй

Антон Щегулин

Академик разгильдяй

<https://litres.ru/74635139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед смертью пролетает вся жизнь. Так говорят. А у меня пролетела моя нереализованная карьера в науке.

Столько монографий не написано, докторская не получена, а научных статей в столе - десятки. Ненавижу автобусы и декабрьский гололёд!

И тут я получил второй шанс, но уже в 1980-м. И не в абы кем, а студентом того же вуза, что я закончил в прошлой жизни.

Да вот только проблема, предыдущий владелец тела оказался законченным разгильдеем. Драки, пьянки, конфликты, десятки хвостов, дурная репутация, куча предупреждений и риск отчисления.

Сделать карьеру учёного в теле этого лодыря - всё равно, что потушить пожар тапком.

Но в правильных руках даже тапок - огнетушитель.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	69
Глава 6	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Академик разгильдйй

Глава

Глава 1

— Мда, тяжело вам придется, — задумчиво произнес я.

— Пожалуйста, поставьте мне зачет, — умолял студент.

Я даже не помнил его фамилии. Он появлялся на парах, дай бог раза три, четыре за весь семестр.

— Нет, всё, идите, — я махнул рукой.

Этот зачёт и без того затянулся, ещё и этот нытик тут соп-ли разводил. Не выучил? Прими незачёт достойно. С гордо поднятой головой.

— Давайте я заплачу!

Я приподнял брови.

— Слезы не помогут, поверьте. У вас ещё будет возможность пересдать, — сострил я, уже не зная, как себя развлечь.

На самом деле в голове у меня уж с самого утра маячила монография Фролова Станислава Сергеевича, посвященная социальной стратификации. Я мечтал её полностью за-конспектировать со вчерашнего вечера, когда она попала ко мне в руки.

Но вот незадача, если работать по двенадцать часов в день, организм хочет спать. И я сегодня утром буквально проснулся у себя за столом.

Мой организм также позаботился об обильном снуоот-делении во время сна. Видимо, мне снилась защита доктор-ской, не иначе.

Поэтому слюнявые бумаги с растёкшимися чернилами пришлось выкинуть. Заодно пожурить самого себя за отказ от конспектов на ноутбуке.

Впрочем, если бы я ненароком уснул на клавиатуре...

Я помотал головой, чтобы выкинуть эти мысли из головы и придумать, как уже избавиться от надоедливого студента.

— Нет же, я про деньги! — не унимался он.

В аудитории никого не было кроме него, потому что я принимал всех по—одному. Не любил, когда такому интимному процессу, как зачет, мешали посторонние глаза и уши.

— В билете ничего про деньги не сказано, — я демонстративно поправил очки и заглянул в бумажку, — Меня с кафедры экономики не предупреждали, что пришлют своих студентов.

— Да вы издеваетесь? — он всплеснул руками. — Как нам договориться?

— Пока что здесь поиздевались только над теорией "зеркального Я" Чарльза Кули, — я взял его зачетку, — Нет, ну вы гляньте только. Сплошные удовлы.

Он сидел молча.

Все прекрасно знают, что сначала ты работал на зачётку, и только потом зачётка работала на тебя.

— Всё, зовите следующего, — я закрыл зачетку и вернул ему, — Много вас ещё там?

— Только Лаврентьева, — буркнул он и забрал зачетку.

— Пусть заходит, — я откинулся на стуле и задрал голову,

— Наконец-то этот день закончится.

Я посмотрел на часы, уже было двадцать пятнадцать. Если бы существовало соревнование по самым затяжным зачётам, я бы обскакал коллег на раз два.

Зашла Лаврентьева. Красотка, каких поискать. Юбка, слава богу до колен, а то я бы её только за внешний вид отправил на пересдачу. Блуза белая, застегнутая на все пуговицы. Каблуки. Ну, разумеется. На зачет к мужчине, которому едва исполнилось тридцать пять — только в таком виде. Это у всех симпатичных студенток было так заведено.

И это первый признак, что не учила.

Второй признак, что не учила — я видел её впервые.

Ни на одной лекции, ни на одном семинаре её не было. Я тут же посмотрел в список допущенных к зачету. На удивление она там присутствовала.

Как ей удалось это проверить? Впрочем, что написано пером, то не вырубить топором. Если в списках присутствовала, значит надо было принимать.

— Так, присаживайтесь, тяните билет, — произнёс я со всей строгостью, чтобы не подавать виду, будто устал.

Она молча устроилась напротив меня. Улыбнулась. Личико очень миловидное. Каштановые волосы убраны в аккуратный пучок.

— Вперёд, — я жестом пригласил её к ответу, — Вижу, что готовились, правда, не уверен, что конкретно к предмету.

Она улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Чего же молчите? — поглядывая на часы, спросил я.

Она мне протянула бумажку. И я тут же закрыл лицо рукой. Опять будут всякие непристойные предложения, взятки или чего хуже — любовное письмо.

Не желая даже знать, что там, я отодвинул бумажку обратно.

— Лаврентьева, если это не тайный шифр, благодаря которому я бесплатно получу все собрание научных трудов Ядова, то меня это не интересует.

Но она настаивала и снова подвинула мне бумажку. А я снова её отодвинул. Через пару мгновений это превратилось в какой-то абсурд, мы только и делали, что двигали бумажку друг другу, словно она была прокаженная.

Наконец я не выдержал и раскрыл её.

— Да что же... — прочитав, завис ненадолго. — Глухонемая?

Она улыбнулась и начала кивать.

— Какой же бардак, — я помотал головой, — Прошу прощения, Лаврентьева.

* * * * *

Несмотря ни на что, зачёт она получила. Правда, чтобы принять его, мне пришлось коммуницировать с ней через её смартфон. Она под села рядом и печатала всё прямо при мне.

Духи были отменные у этой девицы. Я даже допускал тот

факт, что она получила зачёт только из-за них. Потому что я совершенно не помнил, что она отвечала.

Настолько этот флёр затуманил мой рассудок. А может быть я просто устал потому что толком не спал несколько суток.

В любом случае, отправлять её на пересдачу было бы зверством с моей стороны.

И это притом, что я был самым жестоким преподавателем на кафедре. Даже старожилы советских времён, воспитанные в самых строгих условиях, поглядывали на меня с опаской.

Но меня это всё мало волновало. Что по-настоящему будоражило — это возможность написать ещё десяток научных статей за ближайший месяц, ссылаясь на монографию Фролова.

Мало какие научные труды пробуждали во мне столь необузданный, глубокий интерес к предмету. Поэтому выход его монографии я ждал с нетерпением. Ибо по-настоящему серьёзных работ в области социологии за последний год по пальцам пересчитать.

Даже зарубежных.

Но мой путь домой вновь прерывался.

— Алексей Анатольевич!

Я аж подпрыгнул и выронил портфель из рук. В полёте он раскрылся, а бумаги полетели в стороны.

Я закрыл глаза, выдохнул и поправил очки. То была студентка. И на удивление та, чью фамилию я хорошо помнил.

— Додонова, — улыбнулся я, — помимо полученного автомата, вы в свою копилку хотите добавить полученный мною инфаркт?

— Простите ради бога! — опешила она.

— Я прощаю только ради науки, — гордо ответил я и принялся собирать бумаги, — Но вас прощать мне даже не придётся, потому что вы ни в чём не провинились.

Она тут же кинулась мне помогать. На полминуты повисла пауза.

— Когда вы уже наконец поймёте? — внезапно спросила она.

— Пойму что, Додонова? Если вы про "арт-терапию" Густава Юнга, то я этого никогда не пойму. Всё остальное вполне могу.

— Нет же! — она сунула мне бумаги в руки и топнула ногой. — Вы никак не поймёте, что вы мне нравитесь. Будь проклят этот ваш Юнг!

Я сделал вид, что меня эта новость никак не удивила. Хотя в глубине души совсем не ожидал подобного развития событий.

— Поверить не могу, — произнёс я, — если бы я только знал, что зачёт автоматом имеет такой эффект. Да и проклинать Густава Юнга — это уже перебор. Я бы предпочёл просто предать его работы забвению.

— Да что вы такое несёте?

— Так, дамочка, полегче с выражениями! — пригрозил ей

я. — Что с вами произойдёт, если пятерку на экзамене автоматом поставлю? Вы прилипнете ко мне, как банный лист?

Я уже шёл вдоль коридора, заталкивая бумаги в портфель, а она семенила рядом. Девчонка-то была вполне ничего, складненькая, живая, энергичная.

Да вот только мне, как преподавателю романы со студентами были запрещены. Но даже, если представить, что всё-таки можно, я бы скорее поставил зачёт автоматом Лаврентьевой.

Она бы стала идеальной женой, что не говорила мне под руку. А то в первом браке я уж прилично натерпелся от своей суженой.

И думая об этом, я пытался понять вообще насколько далеко я способен зайти в своём местами неадекватном юморе? И в какой момент стоило остановиться?

— Стойте же! — она буквально остановила меня, уперевшись ладонью в грудь. — Я честно и ответственно заявляю, Алексей Анатольевич, вы лучший мужчина, которого я встречала. И я сделаю всё возможное, лишь бы мы с вами пошли на свидание. А там уж будь, что будет. Вот!

Я взглянул на часы. Уже почти девять, пока буду ехать домой, уже десять. Конспектировать часа три смогу, потом меня просто вырубит, потому что на этой неделе я совсем мало спал.

И как только её не отпугивали мои синяки под глазами?
— Ну всё, Додонова, прекратите, — я начал поправлять

очки, — Что вы устраиваете в конце концов?

Внезапно, она стала в разы более мягкой, её поза с воинственной сменилась на застенчивую. Взгляд стал более томным, а щёки порозовели.

— Я просто хотела поговорить с вами наедине, — тихо произнесла она, держа палец у кончика губ, — Вы не обращали на меня никакого внимания. Весь семестр. А я ведь ходила на каждый факультатив. Я оставалась после каждого семинара.

Да, и из-за этого я всегда приходил домой поздно.

— Вы большая молодец, Дарья, не зря вы единственный человек на потоке, удостоенный зачёта автоматом.

Я пошёл в сторону выхода, а она снова семенила рядом.

— Алексей Анатольевич, я упёртая не только в делах учебных. Но и сердечных.

Звучало, как угроза. Я кивнул охраннику на выходе, и мы с Додоновой оказались на улице. Морозило. Декабрь. Её щеки залились румянцем ещё гуще.

— Ох, Додонова, ну нельзя мне, поймите, во-первых, по этическим соображениям...

— Да и что! — воскликнула она, перебив меня. — Уже в следующем семестре я не ваша студентка, а значит нам будет можно.

Технически она была права, но по факту это была невероятно скользкая дорожка.

Я огляделся по сторонам. Переход через дорогу припоро-

шило снежком, а на той стороне была спасительная остановка, откуда я планировал уехать на автобусе домой.

— Знаете, Додонова, а таких упорных студенток мне судьба подкинула впервые.

— Что вы имеете ввиду?

— Ну как что? Вы — упорная и целеустремленная, Лаврентьева — пусть и глухонемая, зато всё выучила, пришла, уверенно сдала.

— Но она не глухонемая, — тихо произнесла Даша, — нормальная, как и все.

У меня челюсть отвисла.

— Чего-о?

— Ну мы разговаривали с ней пару раз, — сказала Даша, — Может быть, у неё какая-то недавняя травма?

— Черт!

Я готов был бросить свой портфель в сугроб.

— Она меня провела вокруг пальца, — всплеснул я руками, — Обалдеть. Знаете, Додонова, когда станете преподавателем, всегда, слышите, всегда запоминайте студентов и их фамилии. Надо будет — следите за ними, иначе они вас обведут вокруг пальца, как это сделали со мной.

Она растаяла, на лице появилась довольная улыбка.

— Вы правда думаете, что я стану преподавать?

— Да, и вполне успешно. У вас для этого всё есть, — воспользовавшись заминкой, я начал идти спиной к пешеходному переходу, — Целеустремленность — самое главное. Но

ещё важнее острый ум и умение отстоять свою позицию.

Она предательски шла за мной, словно от меня веяло шлейфом афродизиака.

— Аспирантура, уж поверьте мне, самое интересное, что происходит в жизни молодого учёного. Скажите, вы планируете поступать в аспирантуру?

Она кивнула.

— Замечательно, — я продолжал шагать к переходу, изредка на него оглядываясь, — берите пример с меня и моих коллег, мы никогда не останавливаемся. Всегда идём только вперёд. Это касается не только написания статей, монографий и роста по службе. Я вообще, знаете ли, медленно поднимался вверх по карьерной лестнице. Должность доцента можно получить существенно раньше тридцати пяти. Но несмотря на неудачный брак и потерянное время в армии, я добился своего, Додонова. Вот, что значит постоянно двигаться вперёд.

— Стойте! — закричала она.

— Нет нужды останавливаться, Дарья, только вперёд! Вы меня вообще слушаете?

— Да стойте же вы!

— Ни за что в жизни, Дарья, иначе, к чему был весь мой монолог?

— Там автобус!

И только через мгновение я осознал. Сам того не замечая, я вышел на пешеходный переход. На дороге был гололёд и

прямо в меня летел тот самый автобус под номером "209", на котором я каждый день добирался до МИУ. Вряд ли я бы успел отпрыгнуть.

— Конспектируйте ежедневно!

Выкрикнул я за секунду до того, как вокруг всё потемнело.

Эх, а вот если бы меня Додонова не задержала, я бы уже спокойно конспектировал дома.

* * * * *

Уже готовый попасть в научный рай, где меня бы окружали только конспекты, вырезки из газет, журналов, ВАКовский сайт с регламентом подачи заявок и, конечно же, бесконечное количество чистой бумаги, на которую я был готов наброситься с шариковой ручкой, как голодная гиена, я осознал, что что-то не так.

Тело не болело, сердце билось ровно, а дышал я в такт какой-то музыке, которая доносилась извне.

Не похоже на научный рай.

Моё сознание должно было превратиться в мельчайший сгусток чистой энергии. Он же обязан был осесть за пределами вселенной, путем квантовой телепортации.

Единственное место, где мне суждено было обрести покой навсегда.

Однако, я находился точно не в этом месте. Потому что отчётливо ощущал собственные руки, ноги, да и вообще ор-

ганизм в целом.

Так может я и не помер вовсе?

Или это фантомные ощущения энергетического сгустка, который некогда был человеком? Оно же так бывало, когда человек лишался ноги, а потом у него начинала чесаться пятка.

Но нет, я открыл глаза. Точнее продрал. К прежним ощущениям добавилась адская ломота во всём теле.

Картинка плавала и раздваивалась.

Да я в стельку пьян!

Какой кошмар, это очень плохо для когнитивных функций моего мозга. Каждая попойка уничтожала тысячи нейронных связей. Поэтому я пил лишь однажды. На свой восемнадцатый день рождения.

И это был худший день рождения в моей жизни. Уверен, что я написал кандидатскую диссертацию на месяц позже назначенного, именно из-за того дня рождения.

В то восемнадцатилетие я убил в себе с десятков тысяч нейронных связей. И жалел об этом каждый день после.

Вокруг творилась какая-то вакханалия. Передо мной пустая бутылка водки, пустая тарелка из-под салата. Похоже, это был оливье. Но нельзя было знать наверняка.

Я лишь молился о том, чтобы я не съел ни ложечки этого салата. Ибо если судить по остаткам, он буквально плавал в майонезе. А жиры сильно притупляли работу мозга.

О господь науки, как же болела голова. Это просто ужас.

По ощущениям, я словно пережил кому, не иначе.

В ногах я обнаружил ещё одну пустую бутылку столичной. Сердце начало колотиться, как бешеное. Организм был в шоке, что я проснулся на какой-то адской попойке.

А может быть религия была права? Может существует чистилище? Или я и вовсе в аду?

Это было очень похоже на ад. Всё то, что я всей душой ненавидел — присутствовало.

Громкая музыка, горлопанящие студенты, алкоголь, дрянная еда с малым содержанием белков и углеводов и, конечно же, духота.

Из всего, что могло мне помешать сосредоточиться на науке, духота, пожалуй, находилась на одном из первых мест. Прелый воздух притуплял мозг не хуже алкоголя, а при длительном контакте и вовсе приводил к гипоксии.

А гипоксия — это смерть нейронных связей. Мне вот оно надо? Я планировал заниматься наукой до глубокой старости. Лет до ста.

Собрав всю волю в кулак я поднялся со стула и тут же мой вестибулярный аппарат выдал талон на прочищение желудка.

Содержимое стремительно вырывалось наружу, и я метнулся к первой попавшейся двери, благо — это оказалась ванная комната.

Закончив это мерзкое дело, я с ужасом обнаружил то, чего видеть бы не хотел.

— Я всё-таки объелся этого треклятого оливье.

Учитывая мою любовь к чистоте, я провёл в ванной добрых минут сорок, закрывшись на щеколду и наводя порядок. А надо сказать, что последствия попойки здесь были далеко не самым худшим проявлением беспорядка.

Под потолком огромная паутина с пауком в центре, раковина видала лучшие времена, а под ногами у меня было столько пыли, что я поначалу был уверен, что это дешёвый ковёр.

И разумеется, мой любимый запах застоявшегося воздуха. Ну куда это всё?

Ровно через сорок минут, я привёл это место в порядок. Ванна буквально засияла, нужно было только хорошенечко её оттереть. Пыль была собрана, в том числе и под ванной.

Кстати, тут и тараканы обнаружились. Неудивительно. Ведь под раковиной была куча мусора.

Кое-как я нашёл пакет, запихнул туда всё, что в ванной находиться не должно было.

В конце концов я начал засматриваться на вытяжку. Она явно работала, но плохо. Потому что решётка забилась пылью. А ещё этот паук, который на меня жалобно посматривал.

— Прости, друг, во имя чистоты придётся тебя переселить.

Я аккуратно загнал его на салфетку и отправил гулять. Убивать пауков не любил, потому что они жрали комаров,

мошек и прочую дрянь, которая доставляла куда больше неудобств, чем чернобрюхий Жора, отдыхающий в углу потолка.

Из вытяжки я вытянул не только кучу пыли, но и кучу волос. И как они туда только попали?

Внезапно в ванную стали колотить.

— Открой ванную! Быстро! — слышался женский голос.

— Санитарный день! — крикнул я.

— Да открой же!

— Занято!

— Дима, ты что ли? Ты же уснул!

— Я не Дима, всё, ждите. Ванная занята.

Я наводил последние штрихи влажной тряпкой. Как только заработала вытяжка, стало гораздо комфортнее и прелый воздух начал постепенно выветриваться.

— В смысле не Дима? Ты меня за дуру держишь? Открой или я попрошу ребят выломать эту дверь.

— Так, голубочка, — рявкнул я, — Вы с преподавателем как разговариваете? Это я ещё не добрался до всего вашей тусовочки. И как меня только угораздило здесь оказаться?

За дверью слышались разговоры между девчонками.

— Белку словил, небось?

— Преподавателем он ещё не был.

— В последний раз он был космонавтом.

Я решил не обращать внимания на все эти перешёптыва-

ния, мне это было совершенно не интересно.

Наконец я приступил к протиранию зеркала и тут меня окатило словно ледяной водой. Передо мной был кто угодно, только не я сам. Взъерошенный студент крепкого телосложения в майке-алкоголичке, с каштановыми волосами.

Выражение моего лица описывало весь мировой нигилизм, который только существовал. Если бы я встретил такого студента, я бы уже за пофигистический взгляд не допустил до зачёта.

У молодняка должны гореть глаза, они должны полыхать жизнью. А этот...

Этот смотрел на меня с дурацкой ухмылкой и абсолютно стеклянными глазами.

— Рит, он четыре бутылки на спор выдул! — слышался шёпот за дверью.

— Да не четыре, а две с половиной! — ответила Рита. — Остальные выпил Ваня. Он сейчас слюни пускает в общем коридоре. Проиграл спор.

— Да как только он выжил после двух с половиной бутылок?

— Его однажды током из трансформаторной будки жакнуло, тоже на спор залез. Так ничего, встал и пошёл дальше.

Они это всё обо мне?

О, господи, если ад и существовал, то я находился прямо в нём. Я — этот чёртов Дима, который вёл самый паскудный образ жизни, что я только видал в своей жизни.

— ДА ЧТОБ ВАС ВСЕХ! Я НЕНАВИЖУ «209» АВТО-
БУС!

Глава 2

Я вывалился из ванной и огляделся вокруг. Куча девчонок, каждая краше другой. Все смотрели на меня и хихикали. Внезапно подошёл какой-то пьяный гитарист.

— Диман! Ну ты даёшь, как ты вообще... Ик... Да, как ты вообще? Как сам?

От всего происходящего я почти моментально протрезвел. Всё тело покрылось липким потом, сердце колотилось, как бешеное. Мне нужно было срочно покинуть это помещение и оказаться где-то, где тихо и безлюдно.

Я моментально дёрнулся в коридор, схватил первую попавшуюся куртку и надел ботинки. Сзади слышались разговоры девчонок и парней.

— Нифига у нас в ванной свежо?

— Это Дима что ли напидорил?

— А кто ещё?

— Эй, Диман! Оставь мою куртку! Куда ты намылился?

Но я не слушал, я уже спускался по лестнице вниз. И эта лестница казалась мне до ужаса знакомой. Затем я вывалился наружу. Вовсю валил снег, вокруг сновали люди. Ко мне подбежала компания студентов, какая-то девчонка поцеловала меня в щёку, обняла и завопила.

— С новым годом!

Затем, все они пошли дальше.

— Пойдёмте с горки покатаемся?

— Да, давайте!

Мда, не такой обстановки я ожидал от улицы. И где вообще я мог бы уединиться и хорошенько обдумать происходящее.

Я начал оглядываться по сторонам.

Знакомое дерево, знакомая дорожка, знакомый корпус.

Лабораторный корпус ГУУ!

Это же мой университет. Тогда какого чёрта я блин не я, а какой-то Дима? Я бы с радостью мог всё списать на галлюцинацию в зеркале, если бы меня каждый встречный поперечный не называл по имени.

Внезапно ко мне подошёл мужчина в возрасте с роскошными раскидистыми усами, в длинном двубортном коричневом пальто и шерстяной шапке-ушанке.

Он снял перчатку и протянул мне мясистую ладонь.

— Ну что, Поршневу, с Новым годом тебя, с новым счастьем.

— И вас... — я запнулся и пожал руку, — Так же.

— Хоть в этом году возьмёшься за ум? Мы ведь оба знаем, что когда захочешь, ты всё прекрасно можешь. Бросай уже этот свой бокс и баскетбол. Целыми днями напролёт в зале проводишь. За ум возмись.

— Х-хорошо, — снова запнулся я и оглядел его с ног до головы.

Это явно был какой-то важный человек на кафедре. Но

из-за тумана в голове я даже не мог вспомнить, как его звали.

— Поршневу, — гаркнул он, приблизившись ко мне, — от тебя опять пахнет перегаром!

— Никак нет, — растерялся я, — Точнее, это досадная ошибка. Я ненавижу алкоголь. Он тормозит когнитивный функционал мозга. Вот вышел подышать. Внутри какая-то адская парилка, думать невозможно.

У него аж брови подскочили от изумления.

— Ха! Романов никогда не ошибается! — он тыкнул себя большим пальцем в грудь. — Ты и вправду меняешься, неужели так бывает? Впрочем, я знал, что рано или поздно достучусь до тебя.

Он похлопал меня по плечу.

— Молодец, — улыбнулся он, — Ты смотри, Поршневу, январь быстро пролетит, а там уже и весна на носу. Чтобы успешно выпуститься, тебе понадобится сильно постараться. Много у тебя там долгов накопилось? Только честно.

— Долгов?! — на этот раз у меня глаза на лоб полезли.

— Хм, возможно, я поторопился тебя хвалить.

Выпуск в этом году. Я на пятом курсе. Долги? Неужели я был настолько плох? Нет, нет, нет, быть того не может, чтобы я умер и переродился в теле студента, который учился через пень колоду. Хотя бы там была лишь пара долгов. Моё нежное сердце не выдержит этой трагедии. Как я буду жить в теле этого оболтуса?

Хоть бы это всё был лишь сон.

— Нет, нет, эм... товарищ Романов!

Он нахмурился.

— Долги все сдам, не переживайте, — улыбнулся я, — Делов-то? Раз два и готово.

— Ну смотри, — пригрозил он мне пальцем, — я за тебя четыре года вписывался. Если не потянешь, больше тянут не стану.

— Я вас не разочарую.

Он пошёл дальше праздновать. И только сейчас я обратил внимание на то, что все окружающие были крайне странно одеты. Это был какой-то тематический Новый год а-ля восьмидесятые?

Рейтузы, юбки, пальто, цветные шерстяные шарфы, шапки-ушанки. Я глянул на свою куртку — это была и вовсе советская авиаторка с высоким воротом.

Снова прогремел салют, а мне становилось зябковато. Я решил пройтись.

Морозило знатно, но остатки водки в организме немного согревали.

То есть, я баскетболист, боксёр, пьянчуга, да ещё и отморозок, который суёт руки на спор в трансформаторную будку? Ну дела. А успеваемость? Это же вообще тихий ужас. За всю прошлую жизнь у меня не было ни единого прогула, ни единого удова, ни единого незачёта.

А судя по словам Романова, за мной сейчас тянулась целая вереница долгов. И все эти долги я должен был закрыть за

второй семестр. Иначе что? Правильно, армия. Ну или второй год, что, возможно, даже хуже, чем армия.

Ведь в армии я уже побывал в прошлой жизни, мне хватило на пять жизней вперёд. А вот на второй год я ещё нигде не оставался. Это же какое позорище? Как я вообще доучился до пятого курса и меня не попёрли отсюда?

Ну да, возможно, это всё благодаря Романову. Он сам сказал, что вписывался за меня все эти четыре года. Интересно, чем я заслужил его покровительство?

В голове по-прежнему гулял туман. Где-то из недр я точно мог достать нужные воспоминания, но пока окончательно не протрезвел, это казалось невозможным.

Внезапно подбежали другие студенты с бенгальскими огнями в руках и начали водить хоровод вокруг меня. Я глядел на всё это с недоумением.

Мне тут же захотелось осмотреть университет. В конце концов — знакомые коридоры — это было единственное, что могло меня немного успокоить.

Я зашёл внутрь лабораторного корпуса. Всё те же полы из известняка, та же лестница на второй этаж из кремового травертина с массивными лакированными деревянными перилами.

Я тихонько поднялся на второй этаж и увидел знакомые деревянные двери. 222 кабинет. Когда-то я тут работал в архиве. Правда, было это в прошлой жизни. Завернув направо, я попал в пролёт между лабораторным корпусом и корпусом

поточных аудиторий.

Я обожал читать там лекции. Прекрасная инсоляция, простор, отличное эхо. Даже микрофон не нужен.

Заглянул в одну из аудиторий, оттуда повеяло ностальгией. Я улыбнулся. С каждой минутой мне становилось всё лучше и лучше.

Я прошёлся ещё дальше, наконец дошёл до научной библиотеки. Разумеется, она была закрыта. Но в голове сразу пронеслись сотни ностальгических воспоминаний о том, как я проводил там дни и ночи за исследованиями и конспектами.

Затем я поднялся снова по травертиновой лестнице. Глядя на деревянные, массивные перила, я улыбнулся. Любил в студенческие годы хулиганить, кататься по ним вниз. Перила скользкие, но широкие. Упасть сложно, зато разгон — мама не горюй. Страшно было.

Эх, как же классно было.

Я не удержался, поднялся по лестнице вверх, а затем проскользил вниз. В груди аж потеплело. Через пару мгновений я уже шагнул по очередному стеклянному пролёту в надежде увидеть столовку. И я её увидел.

Сколько обедов там было съедено? Не счесть. Наконец вернулся обратно, завернул в лабораторный корпус, поднялся на третий этаж и отправился в главный учебный корпус. Мне хотелось дойти до ректората на седьмом этаже и просто постоять, подумать.

В окнах снова слышались взрывы фейерверков. А я наконец дошёл до пролёта. Которого не оказалось.

Просто стена.

Я сначала ничего не понял. Поднялся на четвёртый этаж, чтобы проверить, ведь на четвёртом тоже был идентичный пролёт. Но нет. Тоже пусто.

Куда пролёт подевался? И как теперь попасть в главный учебный корпус?

Однако, мои измышления были прерваны.

— Поршак, — слышался мужской голос позади, — заблудился что ли?

Я обернулся. То была толпа из пяти человек. Каждый выглядел не очень. Прямо отборная шпана. Одеты так себе, бритые налысо, на каждом массивная чёрная растёгнутая куртка.

Ещё двадцать семь и будут богатыри, как на подбор. Только пьяненькие.

— Ты мне? — переспросил я.

— А что тут ещё кто-то есть? Поршак, где бабки?

— В поликлинике, где же ещё?

— Ты давай со мной не остри, а то я тебе твою острилку порежу.

Он достал нож-бабочку и виртуозно ею покрутил в руке. Он был выше остальных, широкоплечий, с нависшими надбровными дугами. Глаза маленькие, даже цвета не разглядеть. Тем более в коридоре было темно. Шея бычья, явно

борьбой занимался. Уши ломаные.

— Ну порежешь, а дальше что? По камерам тебя отследят и всё, на зону поедешь, — ухмыльнулся я, — Ума палата.

Все пятеро нахмурились.

— Какие ещё камеры, Поршак? Ты фотографов позвал что ли? Никого не вижу пока.

Я закрыл лицо рукой. Неужели они настолько тупые?

— Короче, кто бы ты ни был, кому должен, всем прощаю, — махнул рукой я, — Мне нужна тишина.

С этими словами я пошёл мимо них, но коренастый меня резко толкнул. Да с такой силой, что будь я в прошлом теле, обязательно упал бы. Однако, тут у меня рефлексы сработали неплохо, и я остался стоять на ногах.

— Поршак, я тебя предупреждал, чтобы ты один не гулял после того случая. Во-первых, ты бабло должен, во-вторых, ты нашего пацана по беспределу вырубил. Надо покумекать на этот счёт. Ситуация вышла, сам понимаешь.

Я засунул руки в карманы, задрал голову и громко выдохнул.

— Ну и сколько я вам должен?

— Пятнадцать рублей, память совсем дырявая?

Я аж рассмеялся в голос.

— Пятнадцать рублей? Ты меня из-за пачки жвачки хотел порезать?

Я не мог остановиться и продолжал смеяться. Меж тем пацаны переглянулись меж собой, недоумевая.

— Ты чего ржёшь, Поршак? — уже грозным голосом начал главный. — Я ж тебя внатуре порежу ща!

— Да подожди, подожди, — я начал рыться в карманах, — Сейчас найдём тебе твои жалкие копейки.

Я ещё раз приснул со смеху.

— Копейки? А ты богатый что ли стал?

— Скорее это у тебя запросы мелковаты.

Я вытащил из внутреннего кармана бумажные деньги и развернул. И тут уже пришлось приглядеться. Не те деньги, к которым я привык. Я присмотрелся.

«Государственный казначейский билет СССР 5».

— Что? — нахмурился я.

— Гони сюда!

Он выхватил у меня деньги. Там как раз было три пятирублёвых.

— Да подожди, это не те деньги, — буркнул я.

— В смысле не те? — удивился он.

И тут я пригляделся внимательнее к его реакции. Похоже, бугая всё устраивало. А значит можно было прикинуться дурачком.

— А нет, нет, — улыбнулся я, — Те самые. Гребите и валийте.

— Чего ляпнул?

— Я говорю берите и тратьте на здоровье.

— Падажди, Поршак, мы ещё не закончили. Пацаны хотят, чтобы ты ответил за Гришаню.

— Какого ещё Гришаню?

— Которого ты вырубил по беспределу.

— Что ж, похоже, что он проиграл в честной драке, бывает, ничего не поделать. Это как не сдать зачёт. Всегда можно прийти на пересдачу и не сдать снова.

— Не, Поршак, так не пойдёт, либо ещё пятнарик сверху, либо мы тебя тут сейчас уработаем по полной.

— Ты бы когнитивные функции на парах так подключал, как свои спекуляции сейчас, глядишь уважаемым человеком бы стал к выпуску.

— Чего-о?

— Ничего, вон ректор идёт, — я показал пальцем им за спины.

Они, конечно же, повелись.

А я воспользовался заминкой и проскользнул мимо большого, затем меня попытался схватить правый, а после — левый. Но ни у кого из них ничего не получилось. Я оказался в той части коридора, где меня зажать уже не получилось бы.

— Да, пацаны, пригубили что ли в честь Нового года?

— Хватай его!

Я понёсся вперёд, сам удивляясь своей реакции и скорости. Драться я ни с кем и ни за что не собирался. Любая драка — это удары по голове, я попросту отупею к сорока годам, если буду получать по башке от таких лысых идиотов.

У меня были совершенно другие планы на эту жизнь.

Дыхалка у них, к слову, была не очень, поэтому я даже

остановился и станцевал. Настолько у меня было игривое и весёлое настроение.

— Ну же, ребят, какие разборки, если вы бегать толком не умеете? — рассмеялся я, стоя на другом конце коридора.

— Тебе конец, мартышка! — гаркнул главный, переводя дыхание.

— Тебе это сказали на экзамене по культурологии? — крикнул я и понёсся со всех ног по коридору.

Я периодически оглядывался назад, чтобы убедиться, что они остались далеко позади. И это была ошибка. В один момент я попросту не заметил огромный цветочный горшок, налетел на него со всей дури и кубарем покатился вперёд, извалявшись в земле и оторванных листьях.

Грохот стоял страшный. Эхо разлетелось по всему коридору, а я сбил себе дыхание из-за неудачного приземления на спину. Какое-то время я лежал и чуть ли не прощался с жизнью, потому что дышать было совершенно нечем. Но наконец я обрёл вновь возможность дышать.

Открыв глаза, я понял, что надо мной нависли две тёмные фигуры в фуражках. Не было никаких сомнений, что у меня будут проблемы из-за происходящего.

И я проклинал себя за ту безалаберность, которую себе позволил. Переродился в теле студента и первое, что решил сделать — это устроить потасовку. Таким способом я вряд ли добьюсь желаемого.

Я сел на полу, перевёл дыхание и посмотрел вверх на

представителей закона.

— Ну что ж, товарищ, вот вы и добегались, — произнёс один из них, — проследуйте за нами в отделение.

* * * * *

Уже когда мы вышли из здания университета, я прочёл на нём МИУ вместо привычного ГУУ. Уже будучи на заднем сидении жигулей, я осознал, что это вовсе не тот год, о котором я думал изначально. И уже по прибытию в отделение, я краем глаза увидел кусочек газеты, где было написано:

«Товарищи, с новым 1980-м годом!».

До меня окончательно дошло, что вокруг вообще происходило, и куда я попал. Стало понятно, почему не было Главного учебного корпуса. Его построят лишь через пятнадцать лет в 1995 году. Вместе с ним не было и Центра учебно-воспитательных программ, не было бизнес-центра на территории университета.

Но это значило, что тут всё ещё были прекрасные, раскидистые яблоневые сады, которые полностью вырубili уже в двухтысячных. Здесь также наверняка остались сады сирени, которая зацветёт в мае и будет радовать всех аллергиков вуза своим бесподобным запахом.

— Значит, 1980-й год, говорите, — выдохнув, произнёс я.

— Ты гляди на него, — произнёс милиционер, — До белочки допился.

— Я уже давно протрезвел, — вздохнул я, — Слушайте,

товарищи милиционеры. Отпустите, а? Стыдоба-то какая.

Мне было так грустно находиться в отделении, что хотелось лезть на стену от позора. В прошлой жизни меня с милицией связывал разве что интернет. Ни разу в жизни меня не останавливали на улице. И уж тем более никогда не привозили в отделение.

— А чего стыдиться, Поршнев? Ты у нас гость частый, репутация у тебя дурная. Вот и посидишь. Новый год продолжишь праздновать, как протрезвеешь.

— Частый? — искренне удивился я.

— Ну точно до белки допился, Васильич, — хмыкнул первый, — Может его двое суток подержать?

— А сами что делать будем? Бдеть двое суток? Посидит несколько часов и хватит. Безобидный он, если его палочкой не тыкать, — пробубнил Васильич.

Ну приплыли, я ещё и по отделениям ходок. Ужас. Просто ужас. Нет, с этим надо однозначно завязывать. И не просто потому, что мне не нравилась сложившаяся ситуация.

На дворе 1980-й год. Социалистический строй, никаких технологий, интернета и прочего. Если я вылечу из универа, у меня не просто не будет никаких возможностей. Я потеряю доступ к библиотеке, к базе научных знаний.

Я не смогу заниматься любимым делом. Отправляюсь прямиком на зону или в Сибирь на заработки. Я ничего не имел против реальных работяг и глубоко уважал их труд. Но и присоединяться к ним не было никакого желания.

Мне нужно было конспектировать, конспектировать, конспектировать. Как завещал батюшка Ленин. Меня не интересовали интриги, меня не интересовала политика, меня не интересовали гулянки, попойки и даже вкусная еда.

Меня интересовала моя карьера учёного, которую я профукал, померев в прошлой жизни.

Эх, кажись, Додонова сильно расстроилась. Подумать только, секунду назад она призналась мне в своих чувствах, а в следующее мгновение меня перемолотило под колёсами автобуса.

Готов поспорить, что это был автобус с гармошкой. Двухсекционный. Потому что с моей удачей в прошлой жизни, я не мог рассчитывать на смерть под четырьмя колёсами. Должны были быть все шесть.

Бедная Дашка. Такое увидеть своими глазами никому не пожелаешь. Но что поделать, у меня теперь появился второй шанс.

И внезапно, я начал улыбаться во все зубы. Да так искренне и самозабвенно, что милиционеры покрутили пальцами у виска, и махнули руками.

1980-й год. Московский институт управления. И я, который знает всё про свой любимый универ, знает все предметы на зубок и уже когда-то защитил кандидатскую.

Я сделаю самую блистательную карьеру учёного в истории этого вуза. Надо лишь разобраться с хвостами по учёбе. Плёвое дело.

Глава 3

— Двадцать четыре хвоста?!

Я заорал от ужаса, когда увидел свою зачётку днём первого января.

— Двадцать четыре?! И всё это закрыть за семестр?!

Внезапно зашёл мой сосед по общежитию и бросил сумку в угол.

— Ты чего орёшь, Порш? Давно зачётку не открывал?

— ДВАДЦАТЬ! ЧЕТЫРЕ! ХВОСТА! — я чуть ли не рыдал.

Даже будучи всемогущим всезнайкой, который мог прогнать каждого студента по большинству дисциплин, тыкая его носом в ошибки, закрыть двадцать четыре долга было нереально.

И как только я вообще доучился до пятого курса? Это же просто нонсенс! Да меня должны были пинком под зад выкинуть отсюда уже с десятью хвостами.

— Высшая математика?! — воскликнул я. — Матан же на первом курсе сдают.

— Ну да, ты с первого курса эту соплю тянешь, — улыбнулся Артём, — Я тебе миллион раз говорил, чтобы ты нормально подготовился.

Это было плохо. Очень плохо. Единственный из всех предметов, который мне не просто не давался, а оставался

тайной за семью печатями — была высшая математика.

— Плохо, плохо, как же плохо, — бубнил я себе под нос.

— Ты же всё равно хотел отчислиться, — пожал плечами Артём, — Ты даже маму просил за тебя больше не вписываться.

— Что?

— Мда, ты, я гляжу, долго отходишь от Нового года, — вздохнул он, — Фамилия у тебя какая?

— Поршнев.

— А Поршнев это кто?

И тут у меня проснулось важнейшее воспоминание. Поршнев — это ректор МИУ! Ну конечно же. Только подумав, я переродился в теле родственника Поршнева? Быть того не могло.

— Ректор нашего университета! — выпалил я.

Артём нахмурился.

— Нет же, — он махнул рукой, — это секретарь парткома МИЭС.

Точно, он станет ректором вуза только через шесть лет.

— Ты же сам мне рассказывал, что твой отец ему братом приходится.

Всё становилось гораздо понятнее. Мои родители буквально вписывались за меня все четыре года через Поршнева. А он помогал мне за счёт своих связей в образовательной системе СССР. Теперь понятно, как я продержался здесь так долго.

И в качестве благодарности я планировал бросить учёбу? Немыслимо. Каким же я был бессовестным засранцем.

— Точно, спасибо.

— Тебя иногда не узнать, — буркнул он, — На тренировку завтра пойдёшь? Реваз Леванович тебя ждёт. Соревы скоро, надо готовиться.

— О, нет, нет, мне некогда.

— В смысле некогда? Если ты победишь на соревнованиях, тебя могут взять в сборную. Алё, спортивная стипендия! Не, не интересуется?

— Не, — твёрдо ответил я, — у меня другие планы. Передай этому, как его, Львовичу...

— Левановичу, — поправил меня Артём.

— Да, да, ему. Передай, что я больше не приду.

— Ты с дуба рухнул? Слушай, Диман, ляг отдохни. У тебя шиза или что?

— Нет, нет, — я махнул рукой, — ты не видишь? Двадцать четыре хвоста. Какой бокс? Я дай бог спать буду часов по шесть в сутки. Если не меньше.

— Да к чёрту это всё, на кону сборная. Ко всему прочему ты лучший панчер! Нам нужен твой нокаутирующий удар.

— Так стоп, — я поднял руки, — напомним, а сколько любительских боёв я провёл?

— Я считал, что ли?

Я сморщился так, словно съел лимон. Бывший хозяин этого тела явно не следил за здоровьем. Подумать только, та-

кое количество боёв, что даже не сосчитать. Наверняка голова была отбита по полной программе. Пусть я пока это и не сильно ощущал, но в боксе невозможно побеждать, не отбивая свой чайник.

— Ох, чёрт, плохо, очень плохо.

— Да что плохо-то? Всё хорошо, к чёрту учёбу, выиграешь на соревах, получишь стипендию. Протянешь до весны, затем отправишься в армию, там боксёров ценят и уважают. Будешь принимать участие в военных соревах. Тебе нагретое место выдадут, прослужишь два года, не заметишь, как время пролетит. А потом вернёшься уже с регалиями и статусом, продолжишь драться на городских соревах, а потом может быть выйдешь на страну. А там уже и следующие Олимпийские на носу будут.

— Четыре года? Не морочь мне голову. Передай Леонидовичу, что я всё.

— Ага, ещё чего? Я тебе посыльный что ли? Сам иди и скажи. Если не засышь. Ну или если когда проспишься, у тебя в башке эта дурь останется.

Он покрутил у виска и вышел из комнаты, а я остался наедине со своей паршивой зачёткой.

— Поразительно, — говорил я сам с собой, — ни одного экзамена на четвёрку. Все на удовлетворительно. Кошмарная стабильность.

От досады я швырнул зачётку в стену и лёг на кровать.

Нет, варианты с боксом, баскетболом, хоккеем и прочей

спортивной дерготнёй точно отпадали. Я бесконечно уважал всех спортсменов и их вклад в наследие нашей страны, но это было попросту не моё. Ну не любил я работать руками. А вот шевелить извилинами — это прям огонь. Сидел бы сутками напролёт работал, коли спать не надо было бы.

Учитывая мою текущую ситуацию, найти какой-то более менее удобоваримый выход было крайне проблематично.

Но возможно.

Во-первых, пусть Союз и был слегка закостенелым в плане социальной мобильности, варианты и возможности всё же имелись. Даже для такого отбитого, безалаберного студента, как Дмитрий Поршневу.

Во—вторых, Союз всегда поощрял, когда гражданин менялся в лучшую сторону. А я планировал измениться.

Ну точнее как? Сам-то я прежний. Моя прошлая жизнь оборвалась совершенно несправедливо и не в том месте, в котором должна была. Но вот Дима Поршневу — это тот ещё супчик, которому воистину стоило бы измениться.

И так как он в этом теле больше не хозяин, я сделаю так, чтобы мы поднялись по этой карьерной лестнице, как можно выше.

И что самое главное, я забегал в уходящий поезд. Через каких-то одиннадцать лет вся наука и все достижения учёных станут ничтожно неважными по сравнению с политическими проблемами в стране.

Но сейчас всё ещё ценился вклад учёных по всей стране.

Быть кандидатом наук — значило получать надбавку к зарплате. Но помимо этого — иметь статус, а также доступ ко всем знаниям мира. Без этих ключевых аспектов никакая карьера в СССР была невозможна.

И это совершенно не тот дилетантский уровень науки, который воцарился после развала СССР. В свои последние месяцы в 2019 году я довольно сильно разочаровался, как в науке в целом, так и в собственном направлении.

Это разочарование, безусловно, никак не мешало мне двигаться дальше. Но осознание, что всё постепенно летело в трубу, знания становились предметом торговли, а не человеческого процветания, иногда больно кололо в самые уязвимые части мозга.

Здесь же в 1980-м году наука не лишена смысла, она являлась столпом, на котором стояло целое государство. Наука использовалась для создания передовых вооружений, наука становилась локомотивом зарождающихся компьютерных технологий и интернета. Да и сам статус учёного вызывал восторг, уважение и пиетет. А не брезгливое фырканье.

В 2019 году назвать себя учёным на свидании с девушкой, всё равно, что обречь себя на одиночество. Опустим тот момент, что в прошлой жизни я осознанно выбрал глубокое одиночество и не баловался такими вещами, как свидания. Сам факт пренебрежения профессией — это уже характеристика времени, в котором мы жили.

Я начал ходить взад вперёд по комнате и закрыл занавеску

на окне. Яркое январское солнце мешало мне думать.

Начать стоило с самого малого. На каждой кафедре, на каждом факультете, в каждом институте всегда был дефицит лаборантов. Всегда. Никто не хотел работать лаборантом. Никто не хотел таскать бумажки и выполнять какие-то мелкие поручения от сотрудников кафедр.

Но мне не нужна была любая кафедра. Мне нужно было место, где я мог раскрыть свой потенциал, реализовать себя, при этом не помереть без денег. Ибо стипендии, разумеется, у меня не было. А родители, кажется, находились в бедственном положении, судя по письму, которое я откопал у себя на столе.

Нельзя не учитывать мою абсолютно дурную репутацию. Поэтому я точно не мог попасть на кафедру городского хозяйства. Там репутация — это всё. И я точно знал, что чужих туда не пускали, только своих.

Финансы и кредит тоже мимо, кафедра статистики — интересное место, но я не видел никаких перспектив в ней. Как и не видел перспектив на кафедре социологии и психологии управления. Притом, что я был учащимся именно этой кафедры.

Да, если идти в аспирантуру, то только через свою кафедру. Это закон любого университета. Все любят своих и проталкивают их, даже если этот свой — ужасный ученик.

Однако, стартовать с этого я не планировал.

Больше всего меня интересовало сердце исследований

университета. Та его часть, которая отвечала за реальные проекты, реальные разработки коммуникационных и организационных стратегий. По-настоящему рабочие управленческие методики, которые работали не только на бумаге, но и при внедрении.

Научно-исследовательская часть. А если коротко: НИЧ.

Здесь оседали реальные госзаказы, которые получал университет. Но что самое характерное, у НИЧ была репутация исполнительной организации внутри организации.

А посему их совершенно не волновала репутация студента. Они были готовы взять любого, кто способен решать проблемы, затыкать операционные дырки, выполнять грязную работу.

То, что нужно для такого оболтуса, как Дмитрий Поршнеv. Впрочем, надо было завязывать с этими ассоциациями. Теперь я и Дмитрий Поршнеv — это единое целое. А я оболтусов, лодырем и разгильдяем никогда не был.

Можно было, конечно, поблагодарить бывшего владельца за потрясающее по своим кондициям тело. Но я, как учёный в душе, всегда делал большую ставку на ум. А с умом здесь явно беда. И нужно подтягивать весь когнитивный функционал до необходимого уровня.

Первое, что я сделал, так это взял случайный учебник со стола и плюхнулся на кровать читать.

Стоп.

А с какой кочерыжки я плюхнулся на кровать? Я никогда

не читал в кровати. Я всегда предпочитал делать это сидя, держа книгу прямо перед собой, слегка задирая голову, чтобы шея сильно не затекала.

Я тут же подскочил и сел на стул.

Но усидеть было сложно. Учебник Козловой «Учитесь управлять» совершенно не располагал к длительному погружению. Топики, параграфы, сухой канцеляристский язык, который мой мозг попросту не воспринимал.

То есть, я мог вполне осмыслить прочитанное, но только через некоторое время. И давалось это мне с огромным трудом. Вот и нашлась та самая уязвимая зона пропитого мозга в черепушке, которую отбивали на боксе.

А мне ещё родители в прошлой жизни говорил спортом заняться. Тьфу! Да какой к чёрту спорт, если концентрации ноль?

Минут пятнадцать спустя я, словно как в тумане, размялся, сделав бой с тенью. Опомнился только в момент, когда на лбу проступил пот.

— Да какого чёрта?

Походу, для моего тела — это была вполне привычная разминка, которую я выполнял регулярно. Но что самое интересное, думалка чуть чуть разогналась. Стало немного проще читать книгу.

Наконец ещё спустя двадцать минут адских мучений для моего недоразвитого мозга, я швырнул книжку в сторону и пошёл поискать чего полегче. Да, разминка помогла, но

ненадолго.

В прошлой жизни я привык читать по десять, пятнадцать научных пособий в месяц. Здесь же в лучшем случае со скрипом я осилил бы два. И то, ничего бы не запомнил.

Ладно, мозг — это тоже мышца. Его надо хорошенько разогнать, прежде, чем я приступлю к закрытию хвостов. Я нашёл томик Пушкина с собранием сочинений.

— Ох, не люблю я все эти полумеры, — пробубнил я себе под нос, — Но делать нечего. Придётся начинать реально с малого.

И вот художка пошла куда лучше. Да и язык Александра Сергеевича располагал к динамичному, ритмичному чтению. Собственно, потому это чтение мне и заходило, ведь в боксе я привык к ритму и высокой динамике.

Я уж и не успел опомниться, как уже прочитал всего Дубровского и Капитанскую дочку. Забавно, в прошлой жизни я не читал ни того, ни другого. Попросту не хотел. Слишком сильно был заинтересован наукой. Даже в школьные годы.

А теперь оно как-то и ничего. Прикольно. Правда, я не знал, как это всё применять? Ну почитал. Ну здорово. В науке не приложить, а в жизни чисто мозг разогнать.

В общем, художественную литературу я всерьёз не рассматривал.

В комнате становилось душно, и я открыл окно нараспашку. Наморозило за пятнадцать минут знатно. И, как ни странно, мозг заработал чуточку лучше. Я снова вернулся к Коз-

ловой и прочитал ещё пару параграфов.

Затем начал ходить по комнате и читать. А потом лежать и читать. После и вовсе отжиматься и читать.

Тело требовало постоянных нагрузок.

Я уже боялся представить, сколько съем, когда проголодаюсь. Но потом вдруг вспомнил, что денег не было. Когда передавал пятнадцать рублей, я воспринимал их как валюту 2019 года. А в 2019 году — это были копейки.

Здесь же на эти деньги можно было прожить пару недель, а то и месяц, если расходувать очень аккуратно и не позволять себе ничего лишнего из еды.

Я выпотрошил карманы своей куртки, но там ничего не оказалось. Тогда я начал рыскать по всей комнате и нашёл несколько талонов на еду. Их-то и использую. Надеюсь, Артём не обидится. Но я ему собирался вернуть деньги по старой доброй схеме.

Как только, так сразу.

Я снова плюхнулся на стул и уставился в стену, сложив руки на затылке.

Первое января. Никто не работал. Вся страна отдыхала. А мне было совершенно не до отдыха. Хотелось уже начать строить свою новую жизнь. Да так, чтобы ни одна секунда времени не потерялась. Достичь желаемого, как можно скорее. Настолько скоро, насколько это вообще было возможно в моём положении.

Основная сложность заключалась в тех тисках, в которых

я оказался.

А именно — двадцать четыре хвоста.

Семестр будет идти до июня. Но первые зачёты будут уже в мае. Мне же и к ним придётся подготовиться. То есть нагрузка фактически двойная.

Так стоп.

Защита диплома!

Я схватился за голову и молился о том, чтобы у меня были хоть какие-то наработки хоть по чему-либо. Это могло на один процент, но облегчить мою и без того конскую нагрузку.

А чувствовать себя паховой лошастью я тоже не любил.

Как говорится, больше всех в колхозе работала лошадь, но председателем так и не стала.

Да и суть упорной работы всегда заключалась в том, что дело любимое и желанное. А когда тебе нужно исправлять косяки за своими предшественниками — это та самая неблагодарная работа, от которой кони дохли.

И сколько я не пытался найти хоть какие-то наработки, хоть какие-то материалы по дипломной работе, я не обнаружил ни единой написанной строчки. Ни даже темы или хотя бы намёток темы.

Не говоря уже о плане, теоретической и прикладной частях.

Я снова упал на кровать, закрыл лицо руками и шумно выдохнул.

Так, хорошо. Допустим, я был бездельником, каких поискать. Что же получается, за пять месяцев, в том числе и январь мне нужно было: устроиться в НИЧ и работать там минимум на полставки, чтобы не помереть с голоду, закрыть двадцать четыре хвоста, подготовиться к двенадцати экзаменам и зачётам, а также написать выпускную квалификационную работу.

Ничего не забыл?

И Артём ещё спрашивал меня, почему я не собирался возвращаться на бокс?

Неужели не очевидно?

Впрочем, для него реально не очевидно.

А ещё мне нужно было подготовиться к поступлению в аспирантуру. Но, благо, это будет только в сентябре. У меня будет целых два месяца, чтобы подготовиться.

Но документы нужно будет подать уже в июне. А чтобы их подать, нужно будет уже всё закрыть. Или в крайнем случае как-то договориться с принимающими.

Какой же геморрой.

Как сейчас я помнил прошлую жизнь, я спокойно готовился к каждому этапу, не перенапрягался, но и не давал слабину. Каждая ступень спланирована, а форс-мажор, если и случался, то был подконтролен.

Здесь же я был готов лезть на стенку от предстоящей нагрузки.

Так вот как себя ощущали двоечники, которым нужно

срочно что-то сдать и выучить?

Вот почему они так часто сливались и просто бросали начатое?

Теперь я понял окончательно, насколько важную роль в жизни человека играло планирование.

Когда есть план — есть уверенность. Даже, если что-то пойдёт не так, ты не мог предвидеть всего. И ты просто корректировал план.

А когда ты в принципе находился в позиции «всё всегда не так, а планировать я не буду», то оттуда и все невроты, все проблемы, все поспешные, незрелые решения. Которые приводили лишь к ещё большему погружению на дно.

Именно поэтому осознание проблемы и объёмов нагрузки — это ничто. Без плана можно просто сойти с ума. Браться за всё подряд, бросать, а затем снова браться и снова бросать, не видя результата.

Поэтому я принялся прикидывать, как разруливать ситуацию. В первую очередь нужно было понять фронт работ в целом. Есть ли ещё какие-то предметы, помимо высшей математики, которых я опасался?

Я открыл зачётку и погрузился в анализ. Ну высшая математика понятно. Точнее — не понятно вообще. Я пока даже представить не мог, как вытаскивать этот хвост. Поэтому нужно было переключиться на то, что вызывало больше оптимизма.

Самые страшные вещи лучше делать не в начале и не в

конце. Где-то в середине.

И после подробного изучения, меня снова словно ледяной водой окатили.

Правоведение.

Ну отлично, блин! Ещё один предмет, который меня повергнет в апатию.

Я помотал головой. Так, спокойно. Это не конец. В отличие от математики, тут не обязательно понимание, главное — заучить. Так что будет попроще.

История КПСС.

Всё. Нахер. Уже этой троицы апокалипсиса хватило бы, чтобы я отправился подрабатывать на север.

Не повезло, не фартануло. Плакала твоя карьера учёного. Ты ничего не сдашь.

Так я бы сказал себе, если бы во мне не было природной упрямости. В некоторых вопросах, чем больше трудностей, тем больше меня это будоражило.

Но поначалу я реально хотел разорвать зачётку напополам и выбросить её в окно. Благо, самообладание взяло вверх. Записали. История КПСС. Тоже ничего невозможного. Выучить. Зазубрить. Выдолбить себе долотом на коре головного мозга. Немного сойти с ума в процессе, затем сделать себе лоботомию, чтобы всё это забыть. Ничего невыполнимого. Дальше.

Я пролистал всю зачётку, но не нашёл больше никаких серьёзных вызовов. Свою любимую социологию в этом мире я

тоже завалил. И эта новость заставила меня потирать ладони от предвкушения.

Препоод по социологии просто охренеет от моих познаний. Я ему выдам такую тираду, после которой он попросит у меня пару платных уроков. А если ещё и воспользоваться исследованиями из будущего и подискутировать, у-у-у, вот будет потеха!

Хотя нет, стоп! Мне нужно сдать предмет, а не выпендриться. Поэтому просто прихожу, рассказываю билет без подготовки, и вуаля.

Ну и куча предметов, которые я знал хорошо, либо средне. Придётся, конечно, подучить билеты. Но это всё ничто по сравнению с тремя всадниками апокалипсиса.

Хорошо, что их всего три, а не четыре. Вот появиись четвёртый, я бы наверняка приуныл.

Где-то между делом затесалась информатика, в которой я тоже плохо разбирался, но что-то мне подсказывало, что я с ней разберусь без проблем. Хотя гипотетически её можно было записать в ту же компанию, что и вышмат, правоведение и история КПСС.

Я выдохнул.

Внутри теплилось немного оптимизма. Было стойкое ощущение, что если я проработаю чёткий план загрузки и ничто меня не будет отвлекать, то я легко смогу это всё подтянуть.

Я достал бумагу, взял ручку, устроился поудобнее за сто-

лом. Внутри накопилась предельная доза воодушевления. Появление плана всегда успокаивало и настраивало на нужный лад.

Я закрыл глаза, прогнал в голове быстренько всё, что планировал записать и только прикоснулся ручкой к бумаге, как раздался стук в дверь.

Глава 4

— Да чтоб меня! — выругался я и небрежно бросил ручку на стол.

Это был точно не Артём, потому что у него был ключ. Значит, кто-то из посторонних. Может быть даже и лысый. Но сомневаюсь, что он отважился бы прийти прямо в общагу.

Я открыл дверь и обнаружил миловидную светловолосую девицу в зимнем пальто и в платке. На руках умильные красные варежки, на ногах сапоги. На лице лёгкий румянец. Кончик носа покраснел, на ресницах почти оттаявший иней.

Она тут же сняла варежку и вlepила мне пощёчину.

— Ау! — недовольно произнёс я. — За что?

— За то, что бросил меня на новогодней посиделке вчера. Кажется, это была Рита. Было у меня такое наитие.

— Не бросил, а оставил без присмотра на неопределённый срок.

— Что ты вообще несёшь, Дима?

— Милиционеры меня понятым позвали. У нас тут чуть поножовщина не случилась, ты не в курсе?

Глаза у неё округлились.

— Что? Ты как? Не пострадал?

— Нет, нет, что ты. Я можно сказать, эту поножовщину инициировал.

— Серьёзно?

— Шучу, — улыбнулся я, — у меня не то, что ножа, у меня даже вилки нет.

Повисла неловкая пауза, после которой я вновь решил завязывать со своим юмором. А завершить эту паузу я решил совсем по-дурацки. Уж не знаю, почему мне это пришло в голову.

— Ладно, Рит, пока, рад был повидаться.

После этих слов я закрыл дверь и пошёл обратно планировать. Но Рита не унималась и колошматила в дверь так, что по всему пролёту эхо раздавалось.

Я поднялся со стула и снова открыл дверь. Разумеется, получил очередную пощёчину, но уже с другой стороны.

— Нахал! Какая ещё Рита?

— Ох, чёрт, — я поморщился.

— Тебе нельзя пить, Дима! У тебя уже память отказывает.

— Да, именно поэтому я с этого дня не беру больше ни капли в рот.

— Серьёзно?

— Серьёзнее некуда.

Она внезапно улыбнулась.

— Это здорово, я... — она огляделась по сторонам. — Я давно хотела, чтобы ты завязал. Ну правда, ты себя совершенно не контролируешь, когда пьяный. На прошлой неделе отправил в нокаут мужчину!

— За дело? — нахмурился я.

— Ну, вообще да, — она опустила взгляд, — но зачем в

нокаут-то? Можно же было просто оплеуху дать.

— Ну что ж, тогда ещё одна хорошая новость для меня,
— продолжил я, — С этого дня больше ни одного удара по человеку, ни при каких обстоятельствах.

Она аж воспрянула духом.

— Ты сейчас серьёзно? Димка!

После этих слов она бросилась мне на шею. А я и не знал, как от неё избавиться. Да и вообще, кто она такая? Память всё ещё ни к чёрту.

Оля? Маша? Настя? Кристина? Зачем придумали столько женских имён? Достаточно лишь двух самых красивых: Диана и Евгения.

Через пару секунд она начала меня зацеловывать. И вот тут произошло странное. Меня прям влекло к ней. Всё тело аж передёрнуло. А дальше всё, как в тумане.

Бельё, постель, экстаз.

Точёная фигурка у милашки. Хорошенькая, гибкая, страстная. Но чёрт подери, когда пелена тумана спала с глаз, когда я снова понял, что поддался животным инстинктам, я был готов удавить сам себя.

Она лежала на кровати, прикрываясь одной лишь простыней и что-то мурлыкала. Я даже прислушался.

— Я тоже не буду больше пить, мне так плохо было после вечеринки. Но зато музыка приятная. И люди хорошие были. Ты, кстати, ванную комнату у ребят отмыл? Это просто обалдеть! словно профессиональная горничная. Они даже

не узнали её, когда протрезвели.

Да как её блин зовут?

— Кстати, завтра на каток пойдём? Я достану свои коньки. Так хотелось вспомнить свою юность, когда занималась фигурным катанием. Я просто обожала это дело. Пошли со мной? Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Она так канючила, будто я отказывался. Но я сидел и молчал. Не хотелось расстраивать милашку, но у меня дел по горло, и она в этот список вообще не входила. Может быть когда-нибудь. Когда поступлю в аспирантуру. Но точно не сейчас.

Я встал и оделся, затем посмотрел на пустую бумагу плана. Мысли, которые я собирал воедино, так долго и старательно, улетучились. Всё сначала.

Чёрт подери!

— Кстати, моя мама будет делать праздничный стол для всех друзей, и ты тоже приглашён. Мы с ней уговорили отца, чтобы он на тебя не бросался, как в прошлый раз. Он вроде смирился, ты пойдёшь завтра после катка?

Её, как будто, вообще не волновали мои ответы. Просто тараторила и тараторила. А вот мне наоборот нужен был покой. Я почувствовал усталость, накатила сон.

Недаром расхожий анекдот про Ленина возник у меня в голове: хорошо иметь и любовницу, и жену. Жене сказал, что пошёл к любовнице, любовнице сказал, что пошёл к жене, а сам в библиотеку конспектировать, конспектировать, кон-

спектировать.

В общем, от женщины слишком много неприятностей, особенно если нет жены или любовницы помимо неё.

Не зря я выбрал в прошлой жизни осознанное одиночество и полностью посвятил себя науке.

— Дима, ты не на один вопрос не ответил! — внезапно насупилась она.

Я зевнул.

— Ты хочешь спать? Ну давай поспим, — с улыбкой произнесла она.

— Нет времени спать, дорогая, тебе срочно нужно идти, — сказал я, — И да, что бы между нами ни было, мы расстаёмся.

Она уронила простыню обнажив грудь и уставилась на меня не мигая.

— Что ты сейчас сказал?

Я повернулся к ней, выражение её лица было, мягко говоря, раздосадованным.

— Ну не прям расстаёмся, — начал смягчать углы я, — разбегаемся, делаем паузу, в общем, освобождаем друг друга от бремени ответственности за наши непростые и крайне эмоциональные отношения.

— Что ты такое говоришь, Дим? — тихо произнесла она. — Я уже с мамой договорилась, мы папу уговорили, я думала мы на катке покатаемся, потом купим чаю горячего...

Не успела она договорить, как по её щекам побежали слё-

зы. А я стоял и не понимал, что же с этим всем делать?

Наверное, не стоило так рубить с плеча и говорить про расставание.

Но она тоже могла бы войти в положение, я даже не помнил, как её звали!

А хотя нет. Скорее всего, она не знала, что я забыл. И сколько мы с ней вообще провстречались? Вряд ли долго. Не мог быть этот Дима таким однолюбом и семьянином.

— Шесть лет! — внезапно завопила она. — Шесть лет я с тобой, и ты мне такое заявляешь?! Я из-за тебя в этот паршивый вуз поступила. Я вообще-то в МГУ хотела.

Ах, чёрт. Шесть лет, оказывается. А чего он ей предложение не сделал?

— И забери своё кольцо!

Она сняла с безымянного пальца кольцо и бросила его на пол.

Нет, ну тогда всё логично. Я бы после шести лет отношений так же отреагировал.

Она спешно оделась.

— Правду мне отец про тебя говорил! — всё ещё ревела она. — Вот так вот просто? Без причины?! Да ты реально пропил всю свою голову!

— Эм, Настя, слушай...

— Никакая я не Настя, придурок!

Собрав все свои вещи, она вышла и хлопнула дверью.

— Блин, не угадал, — буркнул я себе под нос.

Как же её звали? Надо записать. Точно не Рита и не Настя. Может и вправду Диана или Женя?

Дверь внезапно распахнулась, и она крикнула вдогонку.

— Ещё и воспользовался мною напоследок, козлина! Забудь меня навсегда! Ненавижу тебя.

Я стоял опешивший. Возможно, её реакция была всё-таки чрезмерно эмоциональной. Впрочем, кто вообще поймёт этих женщин? Самое главное, что я мог наконец сконцентрироваться на плане.

Но как назло накатила такая дрёма, что я не мог сопротивляться. Вновь туман перед глазами, я, сам того не ведая, лёг на кровать, накрылся простынёй и уснул, как суслик буквально за пять секунд.

* * * * *

Разбудил меня Артём.

— Эй, Диман, кто тут кольцо забыл?

— Это не моё, — буркнул я сквозь сон, — положи на тумбочку. Лена за ним вернётся?

— Лена? Что ещё за Лена?

— Моя бывшая невеста.

— Её же Аллой звали, когда ты успел Лену какую-то оприходовать?

— Аллой?! — я аж приподнялся на кровати и поморщился.

— Ну да, вот ты ловелас конечно.

— Кто в здравом уме назвал бы свою дочку Аллой?

— Не знаю, — пожал плечами он, — например Борис и Зинаида Пугачёвы.

— Борис, Зинаида и Алла, — буркнул я под нос, — они пытались собрать бинго из самых нелепых имён?

Артём плюхнулся на свою кровать.

— Что с кольцом-то делать?

— На тумбу положи тебе сказали, — рявкнул я, — и не трогай. Вещь чужая, дорогая.

— Ну тогда в ящик надо убрать. Мало ли кто зайдёт? Тут же проходной двор.

Я нахмурился.

— Так вот как она открыла дверь во второй раз.

— Замок хлипкий. Через раз срабатывает, — сказал Артём, — Так чего? К тренеру пойдёшь? Обрадовать его.

Последнее он произнёс, изображая кавычки руками.

— Не, ну нафиг. Думаю, что он переживёт.

— Так всё-таки реально уходишь? Нонсенс.

— Ты видел, сколько у меня долгов? А мне ещё дипломный проект писать, к госэкзамену готовиться, потом и вообще к аспирантуре пахать и пахать.

— Ой, скажешь тоже, думаешь я тебе поверю? У тебя каждый год одна и та же песня. Да вот только с бокса ты ещё не уходил и невесту свою не бросал. Как она, кстати, это восприняла? И почему ты решил с ней расстаться? Девка огонь же.

— Огонь, огонь, а вот я буду не огонь, если на напишу этот чёртов план. Скажи, а библиотека сейчас работает?

— Шутишь что ли?

— Нет.

— Конечно не работает.

— А должна бы.

— Ну сходи к завхозу, ключ попроси, за пять рублей может и выдаст.

— Да не, к чёрту, я просто в аудитории какой-нибудь плюхнусь. Ты, кстати, на какую тему дипломного проекта будешь писать?

— Не знаю, не хочу ничего писать. Ленке с потока денег заплачу, чтобы всё сделала.

— Лоботряс.

— Я спортсмен, а не умник. И ты тоже спортсмен. Чем быстрее у тебя из головы выветрится вся водка, тем лучше будет для тебя, когда вернёшься к своим делам. Всё равно учиться у тебя никогда толком не получалось.

— Ну вот и посмотришь заодно, как надо дела делать, а не языком чесать и кулаками махать.

— Ну ты тип, конечно, — ухмыльнулся Артём.

А я зевнул и отправился в лабораторный корпус. Договорился с охранником, что посижу в аудитории. Он мне пригрозил, что если куда двину за пределы, мне кранты. Но мне никуда за пределы и не нужно было.

Достаточно просто сесть сосредоточиться и всё спланиро-

вать. Жрать хотелось страшно, но я решил, что раздобуду еду вечером. А голод, как и в прошлой жизни, будет играть мне на руку, подстёгивая мою мотивацию.

Да вот только такого адского голодомора я ранее никогда не ощущал. Складывалось впечатление, будто мой желудок пожирал сам себя. Мало того, что он урчал, как динозавр, так ещё и крутило его, хоть в больницу беги сию секунду.

Я спустился к охраннику.

— Михалыч, не найдётся чего пожевать? А от до быстроковылять минут двадцать, а я сейчас помру.

— А чего же молчал? У меня тут с праздничка остались яства, будешь? Салатики, немного колбаски, мяско варёное. С ребятами отмечали. У нас у всех новогодняя вахта, эх. Ну я так год через год работаю, то с семьёй, то вот с ребятами.

— Давай, Михалыч, ща вымру.

Он достал остатки, и мы на пару начали хомячить. Тут же на табуретке, что мы использовали, как импровизированный стол, появилась чекушка водки и пара стопок.

Михалыч мерно налил, напевая себе что-то под нос.

— Ну давай, Димка, жажнем с тобой за праздничек. Уважь старика.

Михалычу было за пятьдесят. Не сказал бы, что старик, но и молодым не называть.

— Это, Михалыч, я только поесть, завязал я.

— А чего так?

— Да автобус меня сбил, представляешь?

— Ого?! Автобус? Это как?

— Насмерть.

— Да ну?!

Я плохо понимал, отыгрывал ли он хорошего собеседника или реально верил всему, что я говорил.

— А вот так, я тоже чекушку бахнул, поскользнулся на переходе, а он как меня переедет. Резина-то какая? Ну? Правильно, всесезонка. Вот и не сдюжил. А там три тонны масса, али ещё больше. Все косточки пересчитал, шею мне свернул, рёбра всмятку.

— Да ну?! — он сидел с выпученными глазами и не прикасался к водке.

— Ну да, а потом очнулся гипс.

— Ты как выжил-то?

— Легко! Меня в Пироговке лечили, всё тело в железяках, на рентгене видно. Эх, я бы тебе показал, да только оставил дома. Как-нибудь принесу.

— Ну дела-а.

— Во, во. Если сейчас выпью, клянусь тебе на лестнице расшибусь и шею сверну себе.

— Ну дела-а.

После этого он выпил, а потом ещё и ещё. Моя история его никак не остановила. Возможно, даже воодушевила. Когда я доел салат, я понял, что зря вообще всё это затеял. Теперь Михалыч рассказывал мне задушевные истории. И благо, меня спас Петрович, который составил ему компанию. Но

внезапно я понял, что они могут знать то, чего не знал я.

— Мужики, а кто сейчас в НИЧе работает? — внезапно вклинился в разговор я.

— Как кто? — возмутился Петрович. — Учишься тут уж пятый год, а Пономарёва Арсения Витальевича не знаешь? Ну даёшь.

Я записал на всякий случай на руке.

— Кстати, они с Бакуниным вчера тоже здесь праздновали, — подметил Михалыч, — Я им даже звонил, поздравлял.

— Они здесь? — удивился Петрович.

— Да, прикинь, билеты купить не успели вовремя. Там Бакунин что-то напутал. В итоге здесь остались. Я их в своей подсобке потом спать укладывал. А сам тут кемарнул прямо на стуле. Не знаю, спят до сих пор или обратно туда вернулись.

— А НИЧ всё ещё в двести тридцать четвёртом?

Оба посмотрели на меня, нахмурившись и хором ответили.

— Что значит «всё ещё»?

Не прошло и минуты, как я ломанулся в НИЧ. Откладывать такое было нельзя. Познакомиться с начальником и замом в неформальной обстановке, презентовать себя и обо всём договориться ещё до начала второго семестра — значило выйти в дамки.

Я неся через коридоры, минуя пролёты. По пути аж весь вспотел, наконец добрался до заветной двести тридцать чет-

вёртой. Но стучать не спешил. Прильнул ухом к деревянной двери и прислушался.

Внутри велись какие-то разговоры, слышался иногда хохот, а также деревянный стук. Чем они там вообще занимались? Но то, что все в сборе — это хорошо. Значит, была возможность пообщаться.

Одно было обидно, что я шёл с пустыми руками. С другой стороны, а что я мог вообще принести? Ну не водку же тащить к интеллигенции. Да и будь у меня хоть какой-то подарок, я бы, наверное, подарил его Михалычу за то, что накормил.

В общем, была ни была, надо заходить.

Я сделал глубокий вдох, уже занёс руку над дверью, как она внезапно передо мной распахнулась, и я увидел пухлое лицо с щетиной.

Был ли это Пономарёв или Бакунин, я пока не знал. Но судя по пиджаку, галстуку и часам — человек точно не бедный. На левой руке «Восток», светло-серый пиджак с широкими лацканами. Нечасто такое встретишь даже на чиновниках, а тут сотрудник Научно-исследовательской части. Рубашка светло-голубая, галстук — коричневый. В руках огромная кружка чая, из которого валил пар.

— Опа! Это вы вовремя, — он буквально затащил меня внутрь за руку, — Игорь Львович, нам тут судьба студента послала на наше счастье!

— Студента говорите?

— Так точно, глядите какой красавец, — он повернулся ко мне, — Пономарёв Арсений Витальевич, а это мой коллега Бакунин Игорь Львович. Возможно, вы о нас слышали.

У меня улыбка до ушей растянулась, и я пожал обоим руки. Мужики были крепкие, уверенные в себе и обстоятельные. По рукопожатиям это прекрасно чувствовалось.

— Поршнев Дмитрий Владимирович.

Оба нахмурились. От них несло слегка перегаром, видимо, мужики квасили всю прошлую ночь, затем отоспались, а теперь бодрятся чаем.

— Игорь Львович, знакомая фамилия, не так ли? — нахмурился Пономарёв.

— Так секретарь парткома МИЭС!

— Точно, точно! Вы чай не родственники? — поинтересовался Пономарёв. — Или просто однофамильцы.

— Однофамильцы, которые знакомы через родственников, — улыбнулся я.

— Вот те на, бывает же, — восхитился Бакунин.

— Точно, точно, — подметил Пономарёв, — но мы вас не затем затащили в наше логово, Дмитрий Поршнев.

Внезапно, он повернулся ко мне и посмотрел с прищуром.

— Кстати, а чего под дверью стояли ждали? — спросил он с подозрением. — Небось, хотели вынюхать, какие государственные заказы в этом году университет получит и когда? Ай, ай, ай, не хорошо шпионить.

— Да я и не шпионил, — улыбнулся я, — Я работать у

вас хочу.

Оба приподняли брови.

— Мне Михалыч сказал, что вы не улетели к семьям из-за того, что с билетами путаница вышла. Вот я и решил наведаться.

— А подарок принесли? Как никак Новый год наступил. Повисла неловкая пауза, после чего Пономарёв рассмеялся.

— Да я шучу, какие у нас могут быть подарки? Счастливое социалистическое будущее — лучший подарок для каждого из нас, верно?

Я кивнул.

— Что касается работы, то знаете, Дмитрий, вы чудесным образом угадали. Нам и впрямь нужны лаборанты.

Он всё ещё слегка пошатывался, но речь была абсолютно чёткой. Язык у Пономарёва даже не заплетался.

— Но вот какое дело, мало какой лаборант способен выдержать наш вступительный тест. Поэтому подумайте хорошенько, Дмитрий Поршневу, вы готовы пройти этот тест?

— А то!

Они с Бакуниным переглянулись и улыбнулись.

— Что ж, первый тест на смелость пройден, поздравляю, но это ещё не всё. Знаете ли, мы тут с Игорем Львовичем в шахматы играли пятую партию к ряду. Надоедает друг с другом, а Михалыч с Петровичем отказываются. Проигрывать не любят. Так вот, условия следующие. Коли выиграете

у одного из нас — место лаборанта ваше. Коли проиграете — едете покупать нам билеты на самолёт. Идёт, Дмитрий?

Он протянул мне руку, чтобы скрепить наш договор. И я, немедля ни секунды, принял этот вызов.

Правда, меня слегка потряхивало, потому что в шахматы я в последний раз играл с отцом, когда мне было пятнадцать.

Глава 5

— Господин, Поршнев, вы, наверное, даже и не представляете, во что ввязались. Одно неверное действие и придётся вам ехать нам за билетами, — с улыбкой произнёс Пономарёв, — И если Игорь Львович ещё вам мог бы поддаться, то я поддаваться не намерен. Игорь Львович, кстати, а не проверите ли вы тумбочку на наличие коньячка армянского. Прощлогоднего!

После этого оба разразились хохотом.

— Вы уж извините нас, Дмитрий, мы, знаете ли, для здоровья делаем это. А не для потехи, уж поймите правильно.

— Ничего страшного, — улыбнулся я и махнул рукой, — Праздник всё-таки.

— Ага, а завтра на работу уже... — сказал Игорь Львович и сделал паузу, — Только не нам!

Они с Пономарёвым вновь рассмеялись.

А я только сейчас осознал, что никаких длинных каникул в СССР и не было никогда. Ну конечно! Учёба со второго числа, работа тоже. Только школьники на каникулы уходили.

Так это получается, что завтра уже начнётся моя полноценная жизнь в новом теле. Ох, лишь бы успеть с планом. Больше всего я ненавидел действовать без плана.

Но один из важнейших пунктов реализовывался прямо здесь и сейчас.

Бакунин достал бутылочку коньяка и облизнулся.

— Нет, Арсений Витальевич, ну здоровье здоровьем, но и без удовольствия я пить не собираюсь.

— Да кто ж просит? Айда наливайте, Игорь Львович. У НИЧ особое расписание, но даже мы уже должны быть здесь третьего числа и усердно отрабатывать полученный государственный заказ.

— Так точно, Арсений Витальевич, — Бакунин повернулся ко мне, — Дмитрий, я вижу, что вы спортсмен и комсомолец, но не могу не предложить в такой замечательный день. Будете?

А я себя поймал на мысли, что буду.

Стоп!

Нет, конечно не буду! Что за ересь? Сидел же с охранниками и не хотел. С чего бы мне коньяку захотелось?

Коньяку.

Значит Дима Поршнев любил коньяк? А водку просто на спор пил. По-другому ему было не интересно.

Какой ужас. Коньяк — это самое мерзкое пойло, что я когда-либо пробовал в прошлой жизни. Хуже только водка.

И пока я думал, рука сама потянулась за рюмкой, а я как дурак сказал.

— О, нет, нет, спасибо, у меня аллергия.

— Что ж, аллергия — это серьёзно! Не будем провоцировать ваш организм, — покачал головой Бакунин и убрал рюмку в сторону, — Какая злая ирония судьбы, не находите

Арсений Витальевич?

— Ещё как нахожу! Спортсмен, которому ещё и пить нельзя по здоровью. Уму непостижимо. Сколько проживёт? Лет сто двадцать, не меньше. Главное — не нервничать и не перетруждаться. А как не нервничать в нашей стране, если коньячку на бахнуть, а?

Оба снова расхохотались и выпили.

А у меня слюна подступила к горлу. Я сглотнул. Держаться! Держаться! Не поддаваться.

Но из-за желания тяпнуть вместе с ними, я не мог сконцентрироваться ни на чём. Все мысли в кучу. Полный хаос.

Так, я же умел в прошлой жизни управлять всем этим хаосом в голове. И в этой смогу. Достаточно сначала успокоиться, сделать несколько вдохов и выдохов. Затем открыть окно.

Я подошёл к окну и открыл.

— Это вы правильно! — сказал Арсений Витальевич, закусывая тёмной шоколадкой. — Помещение маленькое, дышать тяжело. Да и для шахмат воздух нужен. Ну-с, кто первый? Может вы Игорь Львович? Так сказать, пусть вторым будет победитель, верно?

Бакунин улыбнулся и повернулся ко мне.

— Дело в том, что Арсений Витальевич выиграл у меня три партии из пяти. Сегодня он победитель. Да и честно сказать, обыграть его — та ещё задачка. Поэтому я с удовольствием поиграю с вами. Хоть немного голову расслаблю.

— Думаете, что я плохой игрок? — ухмыльнулся я.

— О, нет, нет, смена игрока — переключение внимания, новые стратегии. Всегда обеспечивает проветривание мозга. То, что нужно. А то с Арсением Витальевичем, что ни партия, то напряжение запредельное.

— Ну-с, господа, начнём тогда! — объявил Пономарёв.

Первые несколько ходов я вспоминал вообще, как играть. И надо сказать, что Игорь Львович был крайне бодрым и уверенным игроком. Делал ходы быстро, по глазам было видно, что анализировал тоже быстро.

Я на его фоне казался просто тупнем. Мало того, что скорость мысли подводила, так ещё и на глазах был этот чёртов коньяк. От которого у меня реально слюнки текли.

И я, чёрт подери, ничего не мог с этим поделать. Тело реагировало в обход разума.

— Ну что же вы, Дмитрий, легчайший ход, а вы всё думаете, — улыбнулся Игорь Львович, — Могу даже подсказать вам.

— Не вздумайте! — вмешался Пономарёв. — Хотите, чтобы он выиграл?

— Но нам очень нужен новый лаборант, — возразил Бакунин, — мало кто выдерживает нагрузку такую. Дмитрий, подскажите, а вы к нам на полную ставку хотите?

Я всё-таки сделал ход слоном, проанализировав все риски.

— На половину ставки, ну или на ноль семьдесят пять в

крайнем случае. Мне нужно с учёбой совмещать как-то.

— Само собой, само собой, — он сделал свой ход быстрее, чем я успел подумать, — Вот видите, Арсений Витальевич! Человек устремлён к науке, хочет вкалывать. Других и на четверть ставки сюда не затащить, а наш Дмитрий готов на ноль семьдесят пять!

— Ну хватит, — махнул рукой Пономарёв, — Мы тут тоже не благотворительностью занимаемся. Я слежу за вами. Если вы будете поддаваться, Игорь Львович, я партию не считаю, ясно вам?

После этих слов, он опрокинул ещё одну рюмку коньяка. И меня аж передёрнуло от желания.

Нет. Держаться! Не реагировать. Просто нужно снять куртку. Чтобы меня отвлекала январская стужа, что закрадывалась в помещение из окна.

Я так и сделал, из кармана вывалилась зачётка, которую я забыл выложить. И я её аккуратно пристроил на краю стола, чтобы не мешалась.

Игорь походил.

— Ну что ж, коллега, — хлопнул по плечу Арсений Игорь, — пока всё выглядит так, что студент проигрывает. Молодец, ценю вашу хватку.

— Вы когда выпьете, становитесь особенно жестоки, — улыбнулся Бакунин, — В конце концов это всего лишь игра.

— Не игра! А вступительное испытание! — поднял палец Пономарёв. — Вы так говорите, словно работа в НИЧ

— это всё равно, что дворником устроиться. Обесцениваете наш труд?

— Ну полно вам, — Игорь сделал ход.

Я зомбирова́л доску. Всё, мысли превратились в гигантский ком хаоса.

— Осторожнее, Дмитрий Владимирович, — улыбнулся Игорь, — сейчас очень важный ход.

— Не подсказывайте ему! — ударил ладонью по столу Пономарёв. — Что с вами не так?

— Ну всё, всё, — улыбнулся Игорь Львович.

А я натирал виски. Пойду пешкой — потеряю слона, пойду слоном — потеряю ладью. Чёрт, он загнал меня в ловушку. А самое главное — сидел и улыбался.

Мозги не варили вовсе. Я не мог сконцентрироваться и просчитать игру хотя бы на два хода вперёд. То, что я легчайше делал в юношестве в прошлой жизни, здесь мне давалось адскими муками и с большим трудом.

Как только я сяду за план, я внесу туда обязательную ежедневную программу по концентрации внимания. Это просто ужас какой-то. Если нет терпения и концентрации — нет ничего.

Хорошо, что я об этом узнал сейчас во время шахматной партии, а не спустя несколько недель, когда уже нужно активно пересдавать экзамены и зачёты.

Натирая виски, я понял, что вспотел. Хотя в помещении был дубак.

Игорь и Арсений, казалось, не замечали холода.

Пойла оставалось на доньшке. Может быть глотка на два, три.

И я не мог отделаться от мысли, что если не выпью немного, так и не смогу концентрироваться нормально.

Организм попросту отказывался работать, ибо не мог получить желаемое.

Вот оно как устроено у людей зависимых.

Хочешь бросить пить, да не можешь, потому что каждый день просыпаешься с этим зудом в затылке. Из-за которого твоя жизнь превращается в адисце.

И как вообще Поршневу мог быть таким хорошим панчем, когда квасил, как не в себя?

Впрочем, в студенческие годы организм всё мог стерпеть. Это уже ближе к тридцати начинались проблемы. А в двадцать лет — всё, как с гуся вода.

Однако, это вовсе не означало, что нужно заниматься самоуничтожением.

Надо было продолжать держаться. И я испытывал свою силу воли на прочность. Но ни один из них больше не выпивал. Как будто — это был священный ритуал. Оставить на доньшке.

Единственный способ покончить с этой тягой к коньяку — это избавиться от него. Если выпью сам, то считай проиграл. Принципиально не возьму в этом теле ни капли алкоголя в рот.

Поэтому нужно было как-то заставить их допить. Но как? Может просто в наглуую налить?

— Господа, — я внезапно взял бутылку и начал разливать по рюмкам, — Не могу смотреть на ваши пустые рюмки.

— О, нет, нет! — отнекивался Игорь, — Я точно не буду. И без того мы лишку дали. Всё-таки поллитра на двоих.

— Я тоже пас, — сказал Пономарёв, — Мне ещё играть с вами, Дмитрий. Лёгкое помутнение даёт удивительные возможности, разум становится более гибким, а тело расслабляется. А вот если продолжать, то вся культура пропадёт. А мы здесь культурно отдыхаем, а не квасим. Верно коллега?

Я продолжал уверенно наливать.

— Да куда ж вы льёте?! — Пономарёв тут же схватил бутылку за горлышко, останавливая меня. — Ну прекратите.

Однако, последняя капля упала в рюмку. И обе были наполнены. У меня в голове родился коварный план.

— Эх, ну вы только гляньте! — восклицал Игорь Львович. — Теперь будет стоять выветриваться. Арсений Витальевич, перелейте обратно. Давайте уберём остатки. Может в будущем ещё захочется немного благородного напитку.

И только Пономарёв потянулся к рюмкам, как я резко поднялся.

— Да нет, что вы, давайте я это сделаю, не утруждайтесь, — с улыбкой произнёс я и намеренно сильно задел край стола.

В следующий момент всё буквально разлетелось. Рюмки

упали, коньяк разлился, шахматы съехали с доски начался форменный хаос.

— Батюшки! — воскликнул Пономарёв. — Ловите рюмку!

Одна рюмка скатывалась со стола, и я её успешно поймал на краю. Спасибо моим спортивным рефлексам.

Игорь Львович поднялся из-за стола и побежал за тряпкой. Всё шло по плану.

— Ох, вот же ж неуклюжесть моя! — воскликнул я наигранно. — Коньяк пропал.

— Да ну бросьте, подумаешь, — внезапно сказал Пономарёв, — Мы с вами пьянчуги какие, чтобы из-за этого переживать? Тем более, коньячок-то не на свои деньги купленный, а подарочный. Так что и переживать не приходится.

После этих слов он в голос рассмеялся. А Игорь Львович уже подошёл к столу и начал протирать его тряпкой.

— А вот положение шахмат я запомнил, господа, — гордо подметил Арсений Витальевич, — Так что не переживайте, сейчас продолжим партию.

— Ох, это хорошо, — выдохнул Игорь, закончив протирать, — а то я уж думал, что конец партии.

Мы всё восстановили по указке Пономарёва. Но я подметил, что он выставил фигуры несколько иначе. Либо не запомнил, либо намеренно не в мою пользу сделал, чтобы я проиграл.

— О, нет, нет, — возразил я, — слон стоял здесь.

— Ну что вы, голубчик, — всплеснул руками Пономарёв, — держите меня за какого-то шулера? Клянусь государственным заказом, что мы получили в ноябре, что так всё и стояло.

— Да, да, — кивнул Игорь, — я тоже помню. Коллега всё верно говорит.

И тут я понял, что они оба те ещё игроки, которые проигрывать не любили. Но что мне оставалось делать? Нужно было соглашаться. Хотя шансы на победу уменьшились сильно.

— Добро, господа, — кивнул я, — тогда продолжим.

Я уверенно передвинул слона. И игра продолжилась.

Последние ходы оказались особенно напряжёнными. Игорь лидировал.

— Игорь Львович, — похлопал его по плечу Пономарёв, закусывая ватрушкой, — можете же, когда захотите!

— Это всего лишь игра, — продолжал утверждать Бакунин, — тем более, игра не закончена, пока не поставлен шах и мат.

Я походил ферзём и перекрыл его короля. Он посмотрел на то, что я сделал и покачал головой. Поначалу, я даже подумал, что это обозначало безысходность его ситуации.

Но затем он походил ладьёй, и я понял, что не учёл этот ход. А не учёл я этот ход, потому что ранее они заставили меня неверно расставить мои фигуры.

Теперь мой король был в западне. Оставалось только бегать и защищать его конём. Уже никто ни о чём не говорил,

все молчали и наконец заключительный ход.

Нельзя было ошибаться.

И я походил конём.

Оказалось, этого Бакунин и ждал. Он сожрал моего коня своим слоном.

— Шах, — улыбнулся он.

— Молодец коллега! — обрадовался Пономарёв.

Чёрт! Как бы я ни пытался затащить эту партию, ничего не выходило. Наконец Игорь сделал последний ход.

— Шах и мат, дружище, — улыбнулся он, — Ну что? Теперь партия с моим коллегой?

— Да, — сказал я незамедлительно.

— А чего время тратить? — приподнял брови Пономарёв.

— Может сразу за билетами поедете, Дмитрий? Не выиграете же.

— Условие было — победить одного из вас, поэтому я всё же попытаюсь.

— Ох, упёртый молодой человек! — улыбнулся Пономарёв. — Ну-с, Игорь Львович, одобряете?

— Конечно, договор есть договор.

— Погнали.

Партия с Пономарёвым оказалась напряжённее в разы. Но когда у меня перед глазами не маячил раздражитель, игралось в разы проще.

Да и концентрация улучшилась. Я очень хорошо включился в процесс. Морозный ветер из окна держал меня в то-

нуса, я специально не надевал куртку, чтобы разум был яснее.

— Неплохой ход, — приподнял брови Пономарёв.

Наша партия затянулась. Но я уже вспомнил, как играть. Вспомнил ту самую стратегию, которой меня научил мой дед из прошлой жизни. Самые непредсказуемые ходы сбивают с толку любого оппонента.

Он начнёт играть в твоём ритме, а дальше надо лишь затянуть игру до глубокого финала, где останется минимальное количество фигур. Там и до победы дотянуть — не проблема.

Главное, чтобы слон, ладья, да ферзь остались. Остальное сдюжится.

Этой тактики я и придерживался.

И что удивительно — работало. Привыкший к стандартным комбинациям Пономарёв сильно хмурился, когда играл против меня. Он видел, что я понимал, что делаю, и он пытался меня раскусить.

В конце концов осталось несколько фигур на доске, и мы схлестнулись в финальной битве.

— Вы только поглядите, Арсений Витальевич, — улыбнулся Игорь, — вы можете проиграть.

Тот хмыкнул.

— Проиграть? Нет. Но попотеть пришлось. Шах.

Я ожидал от него этого хода. И единственное, что мне мешало — это пешка, стоящая почти у края доски. И стояла

она очень криво. Почти между клетками.

Видимо, кто-то из них задел её локтем или вроде того. Да и оказалась она там давным-давно. Возможно, Пономарёв уже не придавал ей значения. Вся битва происходила на другой части доски.

Вот бы сейчас произошло что-нибудь эдакое, чтобы я мог легонечко передвинуть эту пешку. В этом случае, я бы легчайше побеждал. Нужен был лишь какой-то повод.

Я сидел минуту, две. Думал.

— Ну что задумались, Дмитрий? Тут у вас вариантов совсем немного, — улыбнулся Пономарёв.

— Знаю.

— Ну и давайте заканчивать это всё.

И тут мне повезло. Внезапно задул мощный ветер в окно, после чего все бумаги со столов буквально заполонили помещение. Игорь Львович и Арсений Витальевич подскочили, как ошпаренные, пытаясь поймать каждую бумажку.

А я под шумок едва коснулся пешки, передвинув её на полклетки. Теперь она стояла именно так, как нужно было мне.

Единственное, что меня отделяло от победы — это внимательность Пономарёва.

И у меня не было ни единого повода сомневаться в его внимательности. Поэтому, как только он сядет за стол, мне нужно будет его как-то отвлечь от этой злополучной пешки.

Но как? Я лихорадочно думал, пока они собирали бумаги.

— Всё, надо закрывать это окно, — воскликнул Арсений Витальевич, — тем более подморозило знатно. Не находите?
— Однозначно, — согласился Игорь.

Как только все вернулись за стол, я молниеносно сделал ход, чтобы всё внимание было на другой стороне доски.

Теперь моя судьба в руках случая. Если они не заметят, я получу место лаборанта в НИЧ. Если нет — я пропал.

Глава 6

— Станем ли мы засчитывать этот ход, коллега? — внезапно спросил Пономарёв.

— А что не так? — удивился Игорь.

— А дело в том, что из-за этого хода наш юноша проиграл. Ему придётся ехать нам за билетами в аэропорт. Может быть дадим ему ещё один шанс?

— Вы вроде никогда не были сторонником второго шанса, — улыбнулся Игорь, — Но если вам так интересно моё мнение...

Однако, Пономарёв не дал ему договорить.

— Нет, вы правы! Никаких вторых шансов! Шах!

Он поставил слона ровно туда, куда мне и нужно было. Ни один из них не заметил смещение пешки. И я переместил короля, чтобы мне не поставили мат. Следующий ход — я забираю пешку, и ферзём ставлю шах и мат. Главное, чтобы он походил туда, куда мне нужно.

— Вы поглядите, а он, кажется, предвидел этот ход, — воскликнул начальник НИЧ, — А этот ход вы предвидели?

И он пошёл конём ровно туда, куда мне было нужно. Я выстроил мастерскую ловушку, в которую он попался. Я тут же забрал пешку и поставил шах и мат.

— Шах и мат, — сказал я, скалясь во все зубы.

На секунду повисла пауза.

— Так, подождите, — нахмурился Пономарёв, — но эта пешка, разве тут стояла?

— Разумеется, — сказал я, — иначе я бы не стал ходить так, как ходил до этого.

— Нет, нет, не может быть, — он начал ёрзать на стуле, — у меня все ходы посчитаны!

Но не записаны. Внутри я ликовал, но старался не подавать виду.

— Арсений Витальевич, ну это всего лишь игра. К тому же, пешка и правда там стояла, — произнёс Бакунин.

Вот уж не ожидал, что он встанет на мою сторону. Но Пономарёв не успокаивался.

— Нет, ну подождите, — он поднялся со стула и начал ходить взад, вперёд, — я же чётко понимал, что победа у меня в руках, это просто не могло быть! Никак!

— Может всему виной армянский? — поинтересовался я. — Когда у меня ещё не обнаружили аллергии, я многое из-за алкоголя делал неверно.

Он повернулся ко мне, выпучив глаза.

— Точно, — он поднял палец, — Коньяк. Тут вы правы. Когда я играл с Игорем Львовичем, я был внимательнее, сосредоточеннее. А теперь... — он сделал паузу. — А теперь я должен вас спросить, Дмитрий Владимирович.

— Что угодно, — улыбнулся я.

— С какой вы кафедры?

— Социологии и психологии управления, — гордо отве-

тил я.

— Неужто? — обрадовался Пономарёв. — Социология мой любимый предмет!

— Ну хватит уже, — встрял Игорь, — мы же люди слова, Арсений Витальевич.

— Верно! — согласился он. — Но шахматы — это одно, а знания — другое. Мы же не можем взять и принять на работу человека, который даже испытаний никаких не прошёл.

— Да мы никогда так и не брали никого, — всплеснул руками Игорь, — Если лаборантов ещё через испытания про-

го... — Цыц! Сейчас решается судьба человека, — перебил он своего коллегу, — Итак, Дмитрий, дайте мне, пожалуйста, определение ролевого конфликта, ну же.

— Легко!

Но сказать-то я сказал, а вот вспомнить. Мозг начал сильно барахлить. Скорость реагирования — низкая. Над этим тоже надо было поработать.

Начальник и зам смотрели на меня не мигая, а я никак не мог вспомнить точное определение. Оно буквально крутилось на языке, но из-за плохо развитых нейронных связей, я буксовал, как идиот.

— Ну раз легко, поведайте, пожалуйста, — не выдержал Пономарёв этой долгой паузы. Я всего лишь вас интервьюирую на должность, ничего критичного.

— Полно вам, — снова попытался встать на мою защиту

Игорь.

Но Пономарёв поднял палец, показывая тому, что он не должен вмешиваться.

— Ох, ладно, разбирайтесь, пойду чаю налью.

Я уже думал, что всё пропало, но наконец у меня в голове начали всплывать обрывки воспоминаний. С сильнейшей задержкой, но я, глядя вверх и шевеля губами, постепенно восстанавливал эти знания.

— Что же, я так и думал, — не выдержал Пономарёв, — Вы...

— Это конфликт, связанный с выполнением индивидом одной и нескольких социальных ролей, которые заключают в себе несовместимость, конфликтующие обязанности и требования.

Я протараторил это, как очередь из автомата. Даже Игорь обернулся и с приподнятыми бровями кивнул головой в знак одобрения.

— Что ж, это было легко! — бросил начальник. — Давайте по более забористым темам. Институционализация! Вперёд.

И снова я забуксовал, но мозг вроде понемногу перестраивался, и я уже думал не так долго.

— Процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и роле...

— Хорошо, давайте представим себе, что молодой человек, которого исключили из университета попытался по-

пасть в армию, чтобы выполнить свой гражданский долг. Но туда его тоже не приняли. Далее, с ним случился тот же казус на работе. Его отказались брать грузчиком. Кто он с точки зрения социальной стратификации?

— Маргинал.

— Ну гляньте только! — Игорь на меня указал ладонью. — Это просто золото, а не лаборант, Дмитрий, приходите к нам послезавтра...

— Нет! — повысил голос Пономарёв. — Я не закончил!

Правда, гонять по социологии дальше он меня не хотел. Судя по глазам, он активно искал к чему придраться. И, к моему огромному сожалению нашёл. Единственное уязвимое моё место, которое оказалось так некстати прямо на столе.

— Ваша зачётка? — он указал пальцем и, не дожидаясь ответа, тут же взял её в руки. — Вижу, что ваша. Небось, вы круглый отличник! А нам нужны только отличники знаете ли.

— Да что же вы заладили! — начал выходить из себя Игорь.

— Так, посмотрим, — он начал листать мою зачётку и его глаза сначала округлились, а через пару мгновений я уловил нотку радости, — Нет, ну вы только гляньте! Это же...

Он делал крайне драматичные паузы.

— Это же немыслимо. У вас по социологии незачёт, экзамен не сдан. Да вы... Да вы... Как вы вообще доучились до пятого курса? Нет, Игорь Львович, гляньте.

Бакунин нехотя подошёл и поглядел в зачётку. Его выражение лица никак не изменилось.

— Если мы будем набирать лаборантов по зачёткам...

— Нет! Нам это не подходит, — перебил его Пономарёв и протянул мне зачётку, — Ступайте, юноша, вы не приняты.

— Но как же договор? — возмутился я.

— Никаких договоров с двоечниками, точка.

Я посмотрел с надеждой на Игоря, тот был явно на моей стороне. Однако, он ничего не делал. Просто стоял молча.

— Что ж, — сказал я, — было приятно поиграть.

— Приходите, когда исправите оценки, — сказал начальник.

Я вышел из кабинета раздосадованный до ужаса. Может быть и не стоило вот так врываться? Может нужно было спокойнее прийти второго или третьего января и устроиться? Но чего теперь уже поделаешь? Ничего.

Я натянул куртку и медленно зашагал по коридору, шаркая ботинками. В конце концов ни один план не бывает идеальным. И мой план дал трещину ещё до того, как я его окончательно сформулировал. Нужно было просто принять в расчёт этот момент и двигаться дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.